

АРНФИНН КОЛЕРУД

Добрычшыццон

Для тых, хто хоче
стаць мільянерам!

Арнфинн Колеруд Добриллион

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65589261
Добриллион / Арнфинн Колеруд: Самокат; Москва; 2021
ISBN 978-5-00167252-4*

Аннотация

Франк и его мама живут в небольшом норвежском поселке. Франк учится в школе, его мама работает уборщицей. Но однажды они выигрывают 24 миллиона крон в лото. Все вот-вот должно измениться! Конечно, если удастся уговорить маму вообще начать тратить деньги. Пока окружающие без особой деликатности пытаются объяснить маме и Франку, на что им пустить свое состояние, мама придумывает неожиданный ход: она отдаст миллион тому из жителей поселка, кто совершит самый добрый поступок. Но можно ли делать добрые дела за деньги?

Арнфинн Колеруд – норвежский автор книг для детей и взрослых, за «Добриллион» он получил литературную премию Министерства культуры Норвегии.

Содержание

Часть первая

9

Конец ознакомительного фрагмента.

72

Арнфинн Колеруд

Добриллион

Иллюстрации Влады Мяконькиной

Перевод Евгении Воробьевой

Книга издана при финансовой поддержке норвежского фонда

Арнфинн Колеруд – норвежский автор книг для детей и взрослых, за «Добриллион» он получил литературную премию Министерства культуры Норвегии.

The original title Snillionen

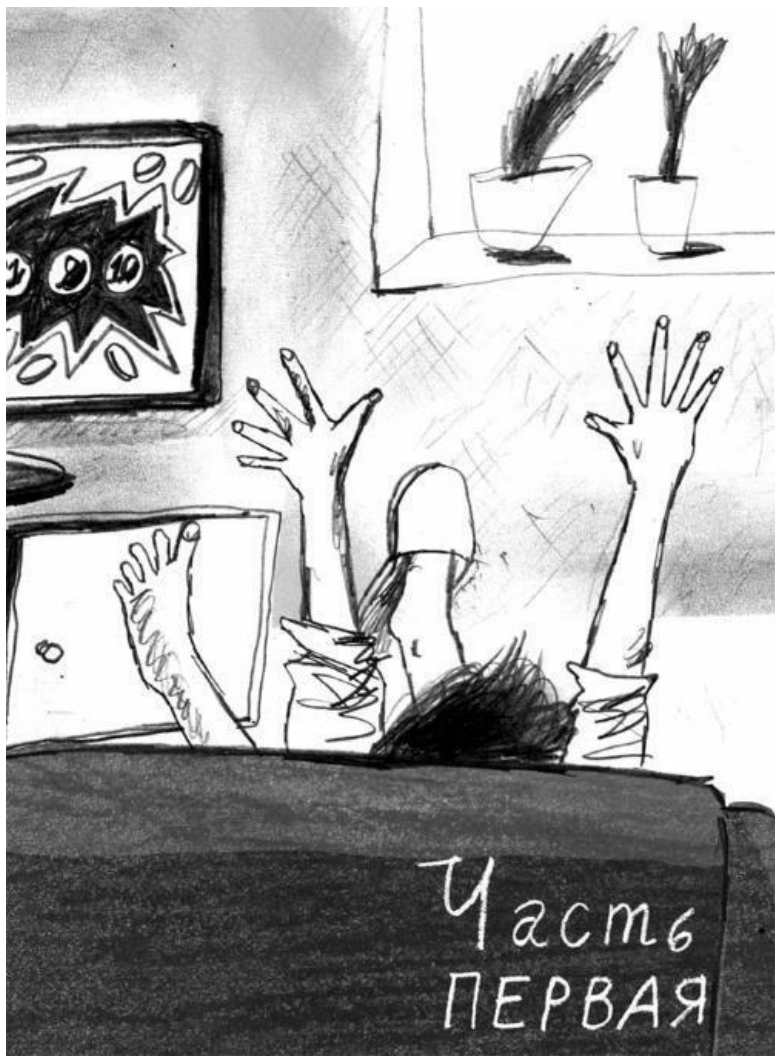
Copyright © CAPPELEN DAMM AS 2017

Published in the Russian language by agreement with Banke,
Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden.

© Воробьева, Е., перевод, 2021

© Мяконькина, В., иллюстрации, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

Часть
ПЕРВАЯ

Часть первая

Одним совершенно обычным вечером Франк с мамой выиграли в лото. Они сидели каждый на своем конце дивана. В телевизоре красивая дама в красивом платье все время улыбалась – наверное, знала, какая она красивая и какое у нее красивое платье.

Франк листал журнал.

Вдруг он услышал, как мама резко и глубоко вдохнула, будто собралась нырнуть.

– Франк, – прошептала она.

Он поднял взгляд от журнала. Мама смотрела на свой билет. И руки у нее покрывались мурашками. Прямо на глазах.

– Франк, – прошептала она опять. И прижала ладонь ко рту.

На синем экране телевизора появилось самое большое число, какое Франк видел в жизни.

Франк с мамой выиграли со следующей комбинацией:

2 – потому что Франк с мамой живут вдвоем,

4 – по количеству букв в слове «мама»,

5 – по количеству букв в имени Франк,

7 – дней в неделю, которые они проводят вместе,

8 – потому что восьмерка похожа на снеговика, которого Франк лепил в тот день, когда они с мамой придумали эту комбинацию,

11 – две зубные щетки в стакане в ванной,

18 – снеговик, которому дали метлу.

Это слишком простая комбинация. Она никогда не выпадет, сказала мама, после того как они ее записали. И вот она выпала. «Никогда» наступило.

Мама заставила Франка всё проверить. Дважды. А потом у нее зазвонил мобильник. Франк услышал, что голос в трубке женский. Но что говорят, было не разобрать – только мамини ответы.

– Это слишком много, – сказала мама.

А потом:

– Я ни разу не выигрывала больше восьмидесяти девяти крон.

И потом:

– Но ведь это неправильно – выиграть столько денег, ни капли для этого не потрудившись. Можно мы возьмем половину?

– Мама, – сказал Франк. Он вскочил и яростно затряс головой.

– Чш-ш! – шикнула она. – У меня тут лото на линии!

Странное выражение – «на линии», подумал Франк. Должно быть, это потому, что раньше телефоны были соединены проводами и эти провода назывались телефонными линиями. Проводов больше нет, а выражение осталось.

– Лишь бы это нам голову не вскружило, – сказала мама.

Закончив разговор, мама пошла в туалет. Вскоре оттуда донесся громкий и довольно неприятный хохот. Возможно, она смеялась над дешевой туалетной бумагой.

Франк выглянул из окна гостиной. Все было как всегда. На земле трава, на траве дома, на домах трава. Овцы там и сям. На фьорде волны, на волнах лодки. Яркое освещенный магазин. И, конечно, школа – вечным напоминанием о домашней работе. Но сейчас, пока мама хохотала в туалете, Франк заметил и кое-что другое. Бассейн с голубой водой

внизу у моря. Горнолыжную трассу на склоне, с красными и синими флажками. И теннисный корт с красным покрытием, обнесенный забором. И еще парк аттракционов с каруселями.

Когда мама вернулась из туалета, лицо у нее пылало, а волосы торчали во все стороны, словно она только что отмахивалась от комаров.

– Теперь мы можем купить все, что захотим, – произнесла она дрожащим голосом. – Дом с огромной верандой. Новую машину и для нее гараж. Домик в горах.

– У меня другие пожелания, – сказал Франк.

Франк с мамой решили отпраздновать в кафе. Лето было холодное, ветреное и дождливое.

– Перестань так улыбаться, – сказала мама.

Но сама не могла удержаться от улыбки.

За соседним столиком сидели трое подростков в куртках. В кафе было прохладно, и многие так и оставались в верхней

одежде.

– А что, если мы знакомы с победительницей? – спросила девушка с металлическим прыщиком на носу.

– Да она, скорее всего, не из нашего поселка. Просто сдала здесь выигранный билет, – отозвался один из парнишек.

– Наверняка это старая клюшка, которой ничего не нужно, – добавил третий. – Купит себе новые тапочки, а остальное отдаст своим детям, которые живут где-нибудь далеко.

Мама, сидевшая к ним спиной, хитро улыбалась, изучая меню.

– Подумать только – двадцать четыре миллиона! – вздохнула девушка.

Подростки говорили громко – должно быть, из-за того, что не сняли куртки. Они ведь привыкли, что на улице говорить нужно громко, вот и в помещении не понижали голоса, раз куртки на них.

Франк с мамой заказали то же, что и всегда.

– Давай с двойным сыром? – попросил Франк.

– С двойным сыром, – сказала мама официанту очень тихо, словно боясь выдать всем, что они разбогатели.

– Я читал про одного иностранного футболиста, – сказал Франк, пока они ждали заказ. – Он никогда не стирает трусы. Надевает один раз, а потом выкидывает.

– Мне что-то не по себе, – ответила мама.

У Франка десять или двенадцать пар трусов. И когда почти все они после стирки сушатся на веревке, кажется, что в доме полно мальчишек.

Официант принес еду и напитки. Повертев в руках стакан, мама заметила вполголоса:

– Могли бы и заменить стаканы. Смотри, какие затертые. Царапина на царапине.

За едой Франк с мамой слушали подростков. Один сказал:

– Я как-то читал про одного мусорщика из Англии. Он выиграл в лото сумасшедшие деньги, не меньше ста миллионов. И все спустил – на тачки, женщин и частные самолеты. А когда потратил весь выигрыш, обратно в мусорщики его не взяли. Работает теперь на кондитерской фабрике.

Остальные засмеялись.

Франк с мамой ели молча. Подростки болтали о том, как люди транжирят деньги, и складка на лбу у мамы постепенно становилась глубже. Франк уплетал пиццу с двойным сыром. Его половина была с ананасом. Кусочки ананаса напоминали короткие и толстые солнечные лучики – он рисовал такие в углу рисунка, когда учился в первом классе.

Мама и Франк не смогли доесть все. Мама спросила подростков, не хотят ли они помочь. Те явно обрадовались.

– Спасибо большое, – сказала девушка с металлическим

прыщиком.

Мама полезла за кошельком, чтобы оставить на чай. Пришлось выбирать между пятидесятикрановой купюрой и монеткой в пять крон. Она оставила пятерку.

– Наверное, это в последний раз, – заметила она.

– Что в последний раз? – уточнил Франк.

– Когда я могу так мало оставить на чай.

В машине по дороге домой мама сказала:

– Думаю, мы должны жить как раньше.

Франк посмотрел на нее.

– Как раньше?

– Да. Не будем транжирить.

– Как так – не будем?

– Нам не нужен большой дом. И новая машина не нужна.

Нам не нужны дорогие часы и украшения.

Звучит как какая-нибудь из десяти заповедей, подумал Франк. Или как их продолжение.

– Но у нас двадцать четыре миллиона! – запротестовал он.

Мама крепче сжала руль. Сложно вести диалог с человеком, у которого кулаки сжаты.

– Не обязательно никому говорить. Это будет наш секрет. Твоя доля будет лежать в банке, пока тебе не исполнится восемнадцать.

– Восемнадцать! – воскликнул Франк. С таким же успехом деньги могли ждать его на другой планете.

– Сначала ты должен закончить школу. Я не хочу тебя избаловать.

– Это еще почему? – спросил Франк.

Бабушки и дедушки его одноклассников очень даже их баловали – так, что дальше некуда. А у Франка бабушка с дедушкой жили так далеко, что дальше некуда.

– И я буду работать. Не хочу сидеть дома и весь день ходить в халате.

– Ты же полы моешь, – удивился Франк.

– А еще столы, стулья и лестницу, – ответила мама. – И разговариваю с людьми!

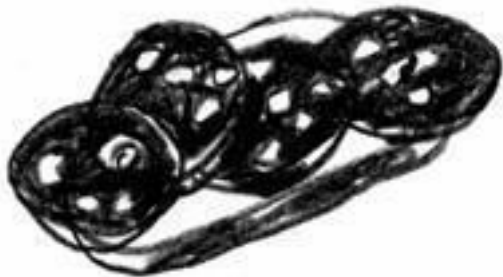

Войдя в дом, Франк сразу скинул обувь. Один ботинок полетел прямо в стену и стукнулся немного слишком сильно, как будто разозлился. И заразил Франка своей злостью. Он пошел к себе в комнату, с грохотом захлопнул дверь и бросился на кровать.

– Между прочим, ты счастливчик: у тебя есть своя комната, где можно запереться! – крикнула мама из коридора. – У многих и этого нет. Подумай о тех, кто в Азии!

Но Франк не хотел думать о тех, кто в Азии.

Он взял в руки комикс, но читать тоже не хотелось. Тогда он принялся очень быстро его листать, и шелест страниц – шорх, шорх! – напоминал свист, с которым горные лыжи пересекают снег на поворотах. Он отложил журнал и стал дуться, будто решил заполнить собой всю комнату.

За завтраком Франк положил на бутерброд лишний ломтик колбасы. Откусывая первый кусок, он стянул этот ломтик с хлеба и тут же положил взамен еще один.

– Куда так много колбасы? – сказала мама, не оборачиваясь.

– Двадцать четыре миллиона, – ответил Франк.

– И все-таки: один кусок хлеба – один кусок колбасы, как

и раньше.

Мама села напротив него с бутербродом и чашкой кофе и посмотрела в окно. Там все было как обычно. По небу вперемишку плыли темные и светлые облака. Похоже, собирался дождь.

Франк посмотрел на бутерброд, который мама поднесла ко рту.

– Майонез! – заметил он. – Ты положила больше майонеза.

Мама, не переставая жевать, помотала головой. На губах у нее был майонез. И на кончиках пальцев. Обычно она выдавливала майонез тонкой ниточкой. А сегодня выдавила толстой полоской, похожей на провод от лампы.

– Не больше, чем раньше, – сказала мама. – Просто раньше я его укладывала завитками, а сейчас – прямыми линиями, видишь? Так что на самом деле его даже меньше.

После завтрака Франк пошел в школу – коричневое здание в центре поселка. Тот, кто выбирал цвет, наверное, хотел, чтобы школа напоминала детям шоколадный торт. На самом деле она больше напоминала корову – а точнее, коровью лепешку.

В луже около школы стоял мальчик по имени Пол. Если кто-то оказывался достаточно близко, он подпрыгивал и окатывал его грязью. Так что Франк и остальные обходили Пола подальше, чтобы избежать печальной участи. Какая же глупость – стоять в луже и обрызгивать окружающих, ведь при этом непременно обрызгаешься сам.

– Рита-небрита! – орал Пол. – Нура-дура! Петер-крекер!
Франк-попал-под-танк! Лиза-подлиза!

– Ты как ребенок! – сказала ему Вибекке. – Когда ты вырастешь – если вырастешь, конечно, – то станешь лузером, который торчит под фонарем и орет оскорбления людям вслед.

– Вибекке-полкалеки! – выкрикнул в ответ Пол.

– Пол-балабол! – отозвалась Вибекке.

Но это было слабовато – Пол явно не обиделся.

Когда лужа опустела, он пошел в школу.

Первым уроком было обществознание, но говорили только о баснословном выигрыше в лото.

– Если кто-то тут выиграл двадцать четыре миллиона, пусть поднимет руку, – сказала учительница.

Франку захотелось поднять один палец, то есть вроде как не всю руку, а так, немножко. Но он не стал.

– Выигрывает всегда кто-то другой, – вздохнула учительница, однако учебник не открыла. Значит, можно еще немного поболтать.

– Если бы выигрыш достался вам, на что бы вы потратили деньги?

Все принялись мечтать.

– На экскаватор, – сказал Оскар, не поднимая руки.

Оскар вырос в песочнице, и у него была желтая лопатка. Теперь она перешла по наследству к младшим детям, но он часто приходит посмотреть и дает им ценные советы.

– Будешь строить себе дворец из земли? – предположила учительница.

– Нет, – ответил Оскар. – Просто буду копать. И там должен быть фонарь на крыше, чтобы можно было копать по вечерам.

Папа Оскара был счастливым обладателем собственного экскаватора. С его помощью он копал могилы на кладбище. Иногда Оскару разрешали помогать – забрасывать яму землей, когда туда опустят гроб.

– Я бы стала поп-звездой, – заявила Эдель.

Не то чтобы это был подходящий ответ, но Эдель отвечала так на все вопросы. Как раз сейчас она копила на ветродуй. Когда она будет петь на сцене, он будет стоять сбоку и развевать ей волосы, чтобы выступление казалось живее. Скоро она выступит на стадионе перед десятитысячной толпой – да так хорошо, что люди будут рвать на себе волосы и кидаться друг в друга стульями. Вообще-то она неплохо поет, но, если честно, не настолько. Чтобы люди визжали и рвали на себе волосы, ей придется им доплатить.

– Дениса, – сказала учительница.

Дениса сидела прямо перед Франком и уже давно нетерпеливо тянула вверх обломок линейки.

– Я бы купила ракету на Марс! – выкрикнула она, продолжая тянуть линейку, как будто показывая, куда полетит ракета. Учительница улыбнулась и на мгновение закрыла глаза – наверное, представила, как Дениса полетит на Марс. Или в любое другое место подальше отсюда.

– Франк?

– А? – вздрогнул Франк.

– А ты бы что купил?

– Я? – переспросил он и вдруг почувствовал, что лицо у него горит. Нужно было срочно выдать ответ, но в голову ничего не приходило.

– Двойной сыр, – пробормотал он.

Класс засмеялся.

– И всё?

– Да, – сказал Франк и стиснул зубы.

– Тебе нужно выйти?

Вокруг хохотали.

– Нет, – ответил Франк.

– Ясно. Ну а ты, Александра? – продолжила учительница.

Александра сидела на другом конце класса.

– Я бы хотела большой бассейн, – сказала Александра. – С гидромассажем, и вышкой для ныряния, и киоском с бесплатным мороженым, шезлонгами, и зонтиками, и огромной пальмой.

– Пальмой, – глумливо повторила Дениса, как будто пальма глупее ракеты на Марс.

В конце концов высказались все. Прежде чем открыть учебник, учительница кинула быстрый взгляд на Франка.

– А вы? – спросил Оскар.

Что угодно, лишь бы не обществознание.

Учительница задумчиво улыбнулась.

– Я бы отправилась в путешествие, – сказала она.

– На Марс? – тут же отреагировала Дениса.

– Ни в коем случае, – ответила учительница. – Может быть, в Марсель или Марсалу, но точно не на Марс.

Франк молчал как партизан. Это мама проговорилась. Она позвонила своей маме – то есть бабушке Франка, – которая жила в двух часах езды, и все ей рассказала. Бабушка наверняка обещала хранить секрет, но потом она пошла в парикмахерскую и не сдержалась. Парикмахер, наверное, рассказал все уборщице и велел никому не говорить, ну и так далее. Тем же вечером в дверь дома позвонили, и стоявшая на пороге под дождем, без зонтика и в тапочках, соседка пискнула:

– Это правда?

Следующие несколько часов мама провисела на телефоне. В основном она говорила «спасибо» и «нет». Франк готов был поспорить, что «нет» она отвечает тем, кто спрашивает, бросит ли она работу. Мама убирала дом у одного криворукого семейства. «Это невыносимо, – заявляла она как

минимум раз в неделю. – Они наливают кофе в чашку доверху и думают, что могут дойти до своей комнаты, не расплескав его. Крошками на полу в столовой могло бы прокормиться крупное животное. В туалете никто даже не пытается попасть использованным бумажным полотенцем в ведро – они просто промокают руки и запускают его в полет, как самолетик».

– Ты могла бы найти и другую работу, – отвечал ей Франк как минимум раз в неделю.

По маминому голосу слышно было, что она улыбается. Франк выглянул в окно. Там все было как всегда. На траве дома, на домах трава.

На следующее утро перед первым уроком Франка окру-

жили в коридоре. Все хотели потрепать его по волосам или хлопнуть по плечу. Малышня просила у него автограф, а одна девчонка из седьмого класса заявила, что хочет с ним встречаться. Звучали такие слова, как «Феррари», «лодка на воздушной подушке», «вертолет» и «Барселона». На звонок никто не обращал внимания, пока в коридор не вышла учительница и не сказала очень строго: «Здравствуйте!».

В классе все успокоились далеко не сразу. Ученики пялились на Франка. Учительница стояла с заговорщицким видом. По расписанию был урок математики, и она написала на доске:

«Франку 10 лет, и он выиграл 24 миллиона крон. Сколько денег он сможет тратить каждый день до конца своей жизни, если проживет 80 лет?»

Решать задачки они уже умели. Самые умные склонились над калькуляторами. Менее умные уставились на Франка, как будто ответ был написан у него на лбу. Франк знал, как решать такие задачи, но ничего не делал. Он опустил взгляд в тетрадь. Кто-то спросил, сколько нулей в миллионе, и учительнице пришлось написать число на доске. София подняла руку. Она была самая маленькая в классе и немного странная.

– А можете сделать смайлик? – спросила она.

– Нет, – ответила учительница.

– Почему?

Когда София пишет на доске, она всегда пририсовывает букве «О» и цифре «0» глазки и улыбку. Учительница уже не раз говорила ей, что пора это прекращать. Когда она вырастет и будет работать в офисе, где надо писать письма и производить вычисления, ей уже нельзя будет попусту тратить время на превращение всех «О» и нулей в смайлики. За это и уволить могут.

Йёрген поднял руку. У него папа работает в банке.

– 939 крон в день, – сказал он.

– А если Франк доживет только до сорока, сможет тратить в два раза больше, – добавил Оскар.

– Вот и нет! – возразил Йёрген. – Ведь сейчас ему не ноль лет.

Учительница написала на доске под условием задачи ответ и дважды подчеркнула:

939

Вдруг стало очень тихо. Все смотрели на ответ и на Франка. Улыбки были удивленные и какие-то отстраненные. Франк не улыбнулся, и остальные тоже перестали улыбаться. Рты раскрылись в недоумении. 939 крон. Таблицу умноже-

ния в классе знали все. Пятью пять – двадцать пять, шестью семь – сорок два. По глазам одноклассников Франк понял, что задачка оказалась для них сложновата. Что он сам оказался сложноват.

– Хм-м-м, – сказала учительница, заметив, как тихо стало в классе, и торопливо стерла с доски задачу вместе с ответом. Все достали учебники.

– Страница двадцать девять, – подсказала учительница. Это маленькое число. Хотя и самое большое на всей странице.

На каждой перемене Франка брали в кольцо. К нему тянулись руки, дружески хлопали его или пихали. Звучали такие слова, как «скейт-парк», «бильярдный стол» и «велодорожка». Оказавшись среди такого множества рук, Франк не знал, куда девать собственные. В одну из перемен к нему подошли две девочки помладше.

– Это ты Франк?

– Да, – ответил он.

– Ты можешь купить нам карандаши телесного цвета?

В первом классе нужно много раскрашивать, сказали они, а у них кончились карандаши телесного цвета. Остался только карандашный огрызок, один на всех, и из-за этого все беспокоятся. Учитель тоже беспокоится. Огрызок такой короткий, что неудобно держать. А учитель отказывается покупать новые карандаши и предлагает вместо телесного взять оранжевый. Но ведь каждый знает, что кожа не бывает оранжевой.

– Мы же не апельсины, – сказали девочки.

– Я подумаю, – ответил Франк.

Обычно Франк ходит с Денисой и Оскаром. Дениса но-

сит красную футболку. Она хочет полететь на Марс, а Марс, как известно, красный. Так что она купила красную футболку, чтобы привыкнуть к этому цвету. Через несколько лет на Марс будут летать паромы. Когда мы слышим «паром», мы думаем о судне, которое ходит туда-обратно каждые полчаса, но паром на Марс будет в один конец – только туда. И тот, кто уехал, никогда больше не увидит свою семью, разве что на экране. Они никогда не смогут друг к другу прикоснуться. Ничего страшного, говорит Дениса, родители и так нечасто к ней прикасаются. Гораздо чаще ей влетает за то, что она слишком долго гуляла, или не убралась в своей комнате, или поставила в холодильник молоко без крышки. Франк с Оскаром сомневаются, что Дениса сможет полететь на Марс. Они пытались объяснить ей, что при заселении новой планеты выберут самых сильных и самых умных, а не тех, кто путает буквы «П» и «Д», ломает линейки и не может открыть бутылку лимонада, не облившись с головы до ног. Но Дениса им не поверила. При заселении новой планеты, заявила она, будут стараться исправить то, что было плохо на старой планете: например, придумают новый алфавит, в котором буквы не так похожи друг на друга.

Дениса даже пыталась уговорить Оскара полететь с ней. Ведь на Марс можно взять небольшой экскаватор. Сначала он мог бы рыть котлованы для строительства домов. А позже, когда люди начнут умирать, можно будет копать могилы. Оскар отвечал, что ему и на нашей планете есть кого зака-

пывать. И потом, кто знает, какая на Марсе почва. Судя по тем фотографиям, что он видел, Марс состоит из наполнителя для кошачьих туалетов.

Оскар тоже знал, кем хочет стать, когда вырастет. Он будет рыть ямы, укладывать туда умерших и снова засыпать их землей. Это как посеять семечко, только наоборот. Некоторые верят, что если посеять в землю мертвого человека, то вырастет зомби – ходячий мертвец. Это не так, говорит Оскар. Мертвых людей поедает черви и насекомые. А уж он-то знает, о чем говорит. Он с детства копает могилы. В начальной школе остальные ребята в песочнице строили стены, туннели и плотины, а Оскар рыл ямы, клал туда разные вещи и снова их зарывал. Время от времени кто-то из детей возвращался с прогулки с одной варежкой – и каждый раз выяснялось, что вторую закопал Оскар. Однажды Оскар попытался отпираться, и тогда учительница вышла на улицу, перерыла половину песочницы и нашла там: варежку, ланчбокс девочки из шестого класса, записку, которую Оскар должен был передать родителям, и лопатку. Представьте только – закопать лопатку! Позднее на уроке окружающего мира учительница показывала им фильм, в котором мышка закапывает еду про запас. Тут все обернулись и посмотрели на Оскара. Он закопал лопатку, чтобы никто ее не взял! – поняли они. И людей на кладбище они с папой закапывают тоже про запас, чтобы у них была еда, когда наступят голодные

времена. Это Дениса догадалась. Многие стали смеяться, но учительница стукнула кулаком по столу и сказала, что так говорить плохо, очень плохо, и такого она в своем классе не потерпит. Неужто нельзя показать детям фильм, в котором мышка закапывает полкартошки под кустом, без того, чтобы кто-то начал говорить гадости! После этого класс присмирел, и много секунд подряд было тихо – до того момента, как Дениса сломала очередную линейку и громко извинилась: то ли перед линейкой, то ли перед учительницей.

Франк не мог отделаться от мысли, что Оскар, когда немного подрастет, начнет закапывать людей заранее – то есть пока они еще живы. Не из дурных побуждений, а просто от усердия.

Одноклассники Франка составили длинный список желаний, который он должен был взять домой. Они велели Франку подкараулить, когда мама будет в хорошем настроении. Не следует отдавать ей список, когда она роется в морозилке

или сокрушается о недостатках своей фигуры. Так что после обеда Франк сам убрал со стола, сложил посуду в посудомойку, протер столешницу тряпкой и открыл окно, чтобы проветрить.

– Вот молодец! – похвалила мама. Она лежала на диване и переваривала обед – фрикадельки с картошкой в соусе.

– Пойду сделаю уроки, – ответил Франк.

На дом задали всего несколько примеров с маленькими числами. Вместо закладки в учебнике лежал список желаний его одноклассников – листок, исписанный разными ручками и почерками. Перечень всего, что может быть куплено или сделано. В основном сделано.

Отдохнув после обеда, мама сказала:

– Я могла бы что-нибудь испечь. У тебя есть пожелания?

– Улитки с корицей, – ответил Франк.

Улитки у мамы получаются не большие и твердые, как в магазине, а маленькие и мягкие – можно целиком засунуть в рот.

Когда мама раскатала тесто, напевая себе под нос, Франк достал список желаний.

– У меня тут предложения от класса, – сообщил он. – Некоторые очень даже ничего.

– Читай вслух, – сказала мама.

Плохо было то, что она стояла к нему спиной. Мама сама говорила, что люди должны проводить больше времени лицом к лицу вместо того, чтобы все время пялиться в экран.

А теперь он обращался к пучку волос на ее затылке.

– Экскурсия в Лондон, – начал он.

– Слишком большая ответственность, – ответила мама. –
Дальше!

– Прыжок с парашютом всем классом.

– Вам что, жить надоело? – спросила мама.

– Горнолыжный склон с подъемником, и хорошими трас-
сами, и ратраком, и...

– У нас слишком мало снега, – перебила мама.

– ...и снежной пушкой, – закончил Франк.

– Нет, – отрезала мама.

Она принялась посыпать тесто корицей и сахаром.

– Лыжный трамплин, – прочитал Франк.

– Нет и еще раз нет.

– Не обязательно большой. Метров двадцать. И пусть он
будет пластиковый, мы можем и без снега обойтись.

– Дальше!

Было бы лучше, если бы мама сама читала список. Неко-
торые желания были написаны красивым девчачьим почер-
ком, ручкой с блестками. Франк постарался передать это с
помощью интонации:

– Пляж с очень мелким белым песком.

– И где мы возьмем этот песок?

– В Сахаре. Привезем на корабле. Его можно заказать, так
уже делали.

– С ума сошел? Дальше!

Франк вздохнул.

– Ты не можешь на всё говорить «нет»!

– Я просто жду чего-то разумного. – Мама скатывала тесто в длинный рулон.

Франк пробормотал следующий пункт из списка.

– Поле для гольфа на девять лунок.

– Франк, ну сколько можно!

– Мам, я читаю, что тут написано.

– Ты меня за кого принимаешь, за министра сельского хозяйства?

– Нет, но...

– Там еще много? – Мама взяла острый нож и стала нарезать рулон на короткие кусочки, а их – раскладывать по противню.

– Эскаватор. Для Оскара. Он мог бы копать ямы на поле для гольфа – не сами лунки, куда должен попасть мяч, а те, в которые мяч попадать не должен.

– Это называется «канавки», – поправила мама, довольная, что кое-что понимает в спорте.

– Нет, – ответил Франк, – это называется «бункеры».

Улиток получилось много. Теперь их нужно было выпечь, потом дать остыть и отдохнуть, а после Франк с мамой будут есть сколько захотят. Все, что останется, Франк уберет в пакеты – по четыре улитки в каждый – и сложит в морозилку.

– Теннисный корт. С красным покрытием, забором и белой разметкой. И с туго натянутой сеткой.

– Франк, – сказала мама.

– Что?

– Где все это должно разместиться? Поле для гольфа, теннисный корт, лыжный трамплин? У нас нет для этого места.

– Мы можем купить землю. У крестьян. У них много пустой земли, – предложил Франк.

Мама достала из холодильника яйцо.

– Это не пустая земля, Франк. Это пастбище. Для овец.

– Теннис лучше, чем овцы, – возразил Франк.

И сразу понял, как по-детски это прозвучало.

– Однако колбасу из баранины ты любишь, – заметила мама.

Она разбила яйцо над миской и стала взбивать его вилкой – р-р-раз! р-р-раз! р-р-раз! – очень быстро, чтобы смесь сделалась воздушной. Франк наблюдал.

– Помажешь булочки яйцом? – предложила мама.

– Нет.

Раньше он сам просил помазать булочки, но давно это перерос.

– Есть в твоем списке еще что-нибудь?

Франк посмотрел в листок. Теннисный корт был последним пунктом.

– Да, – ответил он.

– И что же?

– Атомная бомба!

Мама обернулась к нему, чтобы увидеть его лицо, но уви-

дела только спину.

Вечером они ели улитки с корицей на диване в гостиной. Мама приготовила какао. Она листала каналы в поисках чего-нибудь интересного, но везде показывали только теннисные состязания, и игру в гольф, и прыжки с парашютом. А еще была программа о том, как построить бассейн у себя в саду, и передача о достопримечательностях Лондона. Люди на экране выглядели счастливыми, сосредоточенными и целеустремленными.

– Вот видишь, – сказал Франк.

Если жуешь улитку с корицей, просто нельзя продолжать дуться. Но сказать «вот видишь», пожалуй, можно.

– Господи боже мой, – ответила мама.

Она еще попереключала каналы и остановилась на кулинарной программе о том, как четыре женщины устроили соревнование по выпеканию тортов. Но это оказалось так скучно, что мама стала листать дальше. И наткнулась на передачу о ядерных бомбах, сброшенных на Японию в конце Второй мировой войны.

– Вот видишь, – снова сказал Франк.

Мама вздохнула и выключила телевизор.

– Послушай меня, – сказала она, посмотрев на Франка. Франк смотрел в погасший экран.

– Твоя воля, ты бы все деньги потратил сразу же. Ты как домашнее растение.

– Домашнее растение?

– Да. Растение всегда тянется к свету, забывая про свой горшок. Если оно потянется слишком далеко, то горшок перевернется. Поэтому нужно постоянно подкручивать горшок, отворачивая растение от солнца. С бабушкой Анной то же самое: пока в доме есть хоть крошка шоколада, ее не остановить. И так будет с тобой, Франк, если дать тебе двенадцать миллионов.

– Я уже не хожу на горшок, давно про него забыл, – ответил Франк.

Ему показалось, что это было метко. Вряд ли у мамы найдется достойный ответ. Но тут ее отвлекли: зазвонил мобильный. Она говорила довольно долго, но Франк так и не догадался с кем, хотя обычно это можно было понять по ма-

миным ответам.

Когда разговор закончился, Франк снова включил телевизор. Показывали красные двухэтажные автобусы в Лондоне. Мама сидела с телефоном в руке и смотрела в пустоту.

– Это был Оге, мой племянник. Он хочет пересадить волосы со спины на голову.

– Чего? – не понял Франк.

– У него лысина. Из-за этого он чувствует себя старым и не решается заговаривать с женщинами.

– А разве можно пересадить волосы?

– Это называется трансплантация и стоит как минимум пятьдесят тысяч крон.

– Он попросил тебя заплатить?

– Ну, не прямо. Но если мы поможем Оге, нам придется помочь и тете Офелии.

Франк посмотрел на маму.

– У нас есть тетя по имени Офелия?

– Не у нас. У меня. Она почти ослепла. Ей нужна лазерная операция. А еще есть бабушка Мария, у которой депрессия, потому что она больше не может видеть море из окна гостиной – а видит только высокие елки. Она принимает таблетки.

– От елок?

– Нет. Хотя в каком-то смысле, пожалуй, да.

– И как, работает?

– Не очень. Продолжать этот список можно бесконечно: семья у нас большая. Но мы не можем помочь всем. Мы не

можем помочь всему миру, Франк.

– Послушайте меня внимательно, – сказал учитель в каждом классе. В первом и втором классах учителю пришлось подождать, пока все сядут ровно, перестанут ковыряться в носу, успокоятся и направят взгляд на него. – Оставьте Франка в покое. Он тот же, что и раньше. А вы вьетесь вокруг него, как шмели вокруг единственного цветка.

У Франка перемена теперь наступает во время уроков.

На следующем уроке были дебаты. Они проходили раз в неделю, и их цель состояла в том, чтобы дети научились вести обсуждение. Каждый раз выбиралась новая тема. Сегодня – бранные слова. Дежурные учителя говорят, что на пе-

ременах ученики бранятся. Не все, но некоторые. Да и взрослые порой грешат. К примеру, если начинается дождь, многие ограничатся словами: «Вот незадача, снова дождь!» А другие возьмут и скажут: «Вот блин, опять дождь пошел!» Особенно много слов на «Б» звучит, когда вместе собираются несколько мужчин. Они никогда не скажут «ой», или «упс», или «да что ж такое!». Нет, они начнут ругаться! Если мяч ушел в аут. Если поскользнулись на льду. Если телефон разрядился.

Йёрген поднял руку и рассказал, что однажды в магазине прошел мимо мужчины. Тот стоял у прилавка с фруктами и бормотал себе под нос: «Какого хрена я должен платить сорок крон за несколько виноградин!»

Класс грохнул от смеха.

Всё-таки необычно, что ученик на уроке сказал «какого хрена» и ему не влетело от учителя. Однако, заметила учительница, если вы такие сильные выражения употребляете всего лишь по поводу цены на виноград, что вы скажете, когда случится что-то действительно серьезное – например, у вас загорится дом?

Ответить на этот вопрос оказалось нелегко, хотя Дениса очень старалась. Ученики хихикали каждый раз, когда кто-то произносил бранное слово.

Но, с другой стороны, заметила учительница, некоторые люди совсем никогда не ругаются, и это странновато. Ведь бывают такие ситуации, в которых вполне естественно упо-

требить крепкое словцо?

Да, хором говорят дети. Например, если кто-то пнул тебя в пах. Или если ты попал под грузовик. Уж тогда-то можно крикнуть: «Какого хрена?!» И когда ты установил новый рекорд в компьютерной игре. Или когда на велосипеде чуть не скатился с трехсотметрового обрыва. Многие в такой ситуации заорут: «Чтоб меня черти драли!» А вот бабушка Александры, к примеру, только покрепче вцепилась бы в руль и пискнула: «Матерь божья!» или «Господи помилуй!»

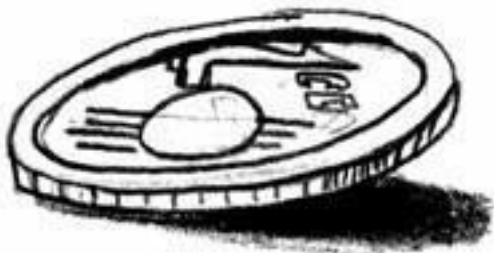
Это вопрос привычки, объяснила учительница. Если уж начал ругаться, то ничего не стоит продолжить. Трое из класса ездят в школу на автобусе, и они рассказали, что на стенах остановки, где они ждут автобуса, написано много неприличных слов. И даже если их смывают, вскоре появляются новые. А ведь на остановке ждут и первоклашки, которые только-только научились читать. И, пока ждут, они тренируются читать по слогам всё, что там написано. Из недавних шедевров: «Дерьмо даром, звонить директору!». Всё дело в том, что неприличные слова нельзя прочесть в каком-то другом месте – на доске, или в магазине, или в газете. По незнанию можно решить, что все эти слова просто живут там, на остановке – в холодном домишке без окон и дверей.

– Но как же хорошие слова? – спросила учительница.

– Хорошие слова, – ответили ученики, – живут во рту у влюбленных, в рецептах выпечки, а еще висят на стене в рамочке.

К концу урока все выговорились и умолкли. Учительница спросила, довольны ли они дебатами. Все ответили, что довольны, – кто с улыбкой, кто очень серьезно. Вот и хорошо, сказала учительница. И написала на доске домашнее задание – не на следующий урок, а на всю жизнь.

«Ругайтесь с умом!»

Мама вернулась с работы злая. Швырнула продукты в холодильник. Банка сметаны перевернулась, но маме было все равно.

– Что случилось? – спросил Франк. Он сидел и делал домашнее задание.

– Ты когда-нибудь читал, что написано на упаковке жвачки, на обороте?

– Нет.

Мама простучала по полу каблуками и запихнула опустевший пакет в коробку с пустыми пакетами, ругнувшись, когда

он попытался вывалиться обратно.

Франк ждал. Маме явно было что сказать.

– В общем, стою я в магазине. Подошла моя очередь. Передо мной старушка хочет заплатить за апельсины.

– Ну и?

– Кассир ей говорит, что нужна еще крона. Она ищет, но не может найти. Не хватает одной кроны.

– А при чем тут жвачка? – спросил Франк.

– И вдруг они замечают меня – и кассир, и старушка с апельсинами. Видят, что в очереди стою я – мультимиллионер. «Можно я завтра занесу крону?» – спрашивает старушка. Она ведь каждый день ходит в магазин! «Нет, – отвечает кассир. – У меня касса не сойдется, а она должна сойтись».

– И что дальше? – спросил Франк.

– Она достала все барахло из своей сумки – косметику, бигуди, ломтик зачерствелого сыра. И жалуется при этом: столько шума из-за одной кроны. А сама все поглядывает просительно на меня. В конце концов она находит две монетки: одну в пятьдесят эре, которую кассир не принял. А другую хорватскую – клянется, что она точно стоит больше кроны, но иностранные деньги кассир тоже принимать отказывается. И тогда она начинает причитать, что к ней в гости едут четверо внуков и она хотела каждому дать по апельсину, – просит кассира еще раз их взвесить. Он взвешивает, но цена от этого не меняется.

– И? – спросил Франк.

– И тогда они снова смотрят на меня, и прямо хором: «У вас не найдется кроны для бедной старушки?»

– Правда так сказали?

– Не вслух, – ответила мама. – Но и так было ясно.

– Угу! И что?

Мама развела руками.

– А ты бы что сделал?

Франк думал всего полсекунды.

– Дал бы ей крону.

– А если бы ей не хватало двух крон? Или десяти? Или ста? В общем, я взяла упаковку жвачки и стала читать.

– Зачем?

– Чтобы не встречаться с ними взглядом.

Франк задумался.

– Ты стала жадной. Раньше ты такой не была. Раньше ты бы запросто дала ей крону.

Мама не ответила. Она только раздраженно вздохнула и ушла в ванную переодеваться.

– Ты стала чаще вздыхать, когда разбогатела, – крикнул Франк ей вслед.

– Сколько хочу, столько и вздыхаю! – донесся ответный крик.

Франк не понял, кричит она потому, что рассержена, или потому, что находится за стеной, или то и другое разом – рассержена за стеной.

Когда мама вернулась, лицо у нее было красное, как будто

на дворе январь и она два часа кряду каталась на снегокате.

– И ты туда же! Не надо на меня так смотреть.

– Всего одна крона! – сказал Франк.

– Да, но сам подумай! Каждому по апельсину! Как будто нынешние дети едят апельсины. Вот ты бы съел целый апельсин?

Франк покачал головой.

– Так чем всё кончилось?

– Ей пришлось выложить один апельсин, – сказала мама и направилась к дивану в гостиной.

– А что у нас на обед?

– Жвачка!

Франк повысил голос.

– Так ты ее купила?

– Да.

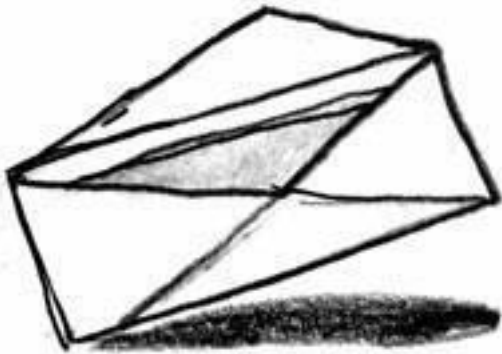
– И сколько она стоила?

– Без понятия. Крон двадцать, наверное.

– Но... – сказал Франк.

– Дело в принципе! – перебила мама.

– Быть богатой и жадной, – пробормотал Франк достаточно громко, чтобы она услышала. – Такой вот принцип.

По почте стали приходиться письма. Одно вчера и два сегодня, сказала мама. Франку можно будет прочесть их после обеда. И, кстати, она пошутила насчет жвачки на обед. Жвачка будет на десерт.

Первое письмо оказалось от отца какого-то семейства. В конверт была вложена фотография пятерых сопливых детей на диване. Судя по их виду, сильнее всего они нуждались в носовых платках. Но просил он машину: в семье должен вот-вот появиться шестой ребенок, и пора сменить машину – на что-нибудь побольше. А для этого им нужно как минимум сто тысяч крон. Иначе они не смогут все вместе поехать в путешествие на каникулах.

Интересно, подумал Франк, как все детские трусы помещаются на веревках, когда в семье стирка?

Второе письмо начиналось так: «Наш сын оказался в инвалидном кресле, и нам нужно полностью перестроить дом, чтобы он мог жить с нами. В противном случае придется отослать его в учреждение, где живут одни старики. Не могли бы вы...»

А последнее: «Нам известно, что на правой щеке у вас большое родимое пятно. Подобные пятна могут накапливать в себе раковые клетки. У нас большой опыт в удалении опасных родимых пятен, и процедура обойдется вам всего в...»

– Сто тысяч крон за машину! – воскликнул Франк. – Корабль с песком из Сахары наверняка стоит дешевле.

Мама вышла на веранду, ничего не ответив. Веранда у них была маленькая – только чтобы выбить коврик. Мама стояла там довольно долго, и Франк смотрел на нее – богатую женщину с холодным ветром в волосах и холодным кофе в кружке.

– Нам следовало подумать об Африке, – сказала мама после новостей.

– Почему? – спросил Франк. Не так-то легко подумать о целом континенте.

– Только представь, сколько там несчастных людей! Сколько детей, у которых нет ни еды, ни питья, ни школы, ни родителей.

У Франка нет ни бассейна, ни поля для гольфа, ни теннисного корта с автоматом для газировки. Он словно крошеч-

ный континент, до которого никому нет дела. Самый бедный миллионер в мире. Но у него есть еда и питье, а еще мама, которая не хочет его избаловать. Так что он честно попытался представить себе тощего мальчика без одежды, облепленного мухами, с пустой миской в руках. Мальчик вызывал жалость. Его ждала смерть либо от голода, либо от жажды. Но удерживать эту мысль в голове было трудно. Ведь до сих пор Франк знал об Африке совсем другое: там пирамиды, там верблюды. Ему хотелось бы залезть на вершину пирамиды или прокатиться на спине верблюда через пустыню в длинном караване: верблюды идут цепочкой, как люди через ледник. Это странно, ведь люди идут цепочкой через ледник на тот случай, если кто-то провалится в трещину. В пустыне нет трещин, в которые можно провалиться, но верблюды все равно идут цепочкой. Может, дело в том, что караван лучше выглядит на фотографиях, чем неопрятное стадо? Франк вспомнил, как однажды он ходил через ледник понарошку. Это было во втором классе. Учитель на замену соединил учеников с помощью веревки, и они ходили так, цепочкой, по партам.

– О чем думаешь? – спросила мама.

– О леднике, – ответил Франк.

– Ты же должен думать об Африке.

– Я старался.

– Старайся лучше!

– Это не так уж просто! Я ни одного африканца не знаю

по имени.

– Мандела, – подсказала мама.

– Он умер, – ответил Франк.

Мама вздохнула, расстроенная тем, что Мандела не мог оказать им любезность и пожить подольше. Потом она положила ладонь себе на лоб, как обычно делают, чтобы проверить температуру. Но чтобы проверить температуру, нужен кто-то, у кого ее точно нет.

– Уф, – вздохнула она чуть погодя. – Не могу вспомнить ни одного живого африканца.

– Я тоже, – сказал Франк. – Может, из Азии?

– Ты имеешь в виду, вспомнить имя человека?

– Да?

– Из Азии? – уточнила мама, чтобы потянуть время.

– Да.

Азия еще больше, чем Африка. Там живет несколько миллиардов человек, и уж одного-то можно знать по имени.

– Лампун! – внезапно вскрикнула мама.

– Лампун? Это еще кто?

– Это женщина, она работает в киоске рядом с моей работой. Она с мужем живет в Норвегии, но дети у нее остались в Таиланде. Я видела их фото на стене за прилавком. Она каждый месяц отправляет им деньги.

– Сколько?

– Не знаю. А спрашивать как-то невежливо.

Они немного помолчали. Франк вспомнил хрустящие

спринг-роллы, которые мама время от времени приносила из того киоска. Всё хрустящее – вкусное. Картофельные чипсы. Сахарные орешки. Фундук. Кукурузные палочки. Креветочные чипсы.

– Завтра надо будет купить у нее еды навывнос, – сказала мама.

– Можно, – ответил Франк.

Так они помогут Азии, деликатно и ненавязчиво.

Самый старый учитель в школе говорил, как и мама, что у молодежи слишком большие аппетиты. Баскетбольная площадка. Бассейн. Теннисный корт. Лыжный склон. «В прежние времена мы строили лыжные трамплины сами, из снега», – сказал он. «Но и снега тогда было побольше», – воз-

разили ученики. Сегодня, если наскрести достаточно снега, чтобы построить трамплин, приземляться придется на голую землю. Но старый учитель и слушать их не желал. Он рассказывал, что плавать можно прямо во фьорде – на животе, на спине, под водой. Или на лодке – до поселка на той стороне фьорда и обратно. Это хорошая нагрузка, уверял он, ведь гребля развивает мышцы спины. Можно лазать по деревьям – совершенно бесплатно. Можно ходить в горные походы, ловить рыбу в озерах и собирать ягоды. А если и этого окажется недостаточно, то есть еще собственное тело – самый лучший тренажер на свете. Тело может скакать, отжиматься, прыгать вверх по лестнице на одной ноге и, свернувшись в клубок, скатываться со склона. Не всегда дорогие вещи лучше бесплатных. Можно придумать веселую игру с обыкновенным яйцом, сказал он. Нужно встать в двух метрах друг от друга и перебрасывать яйцо туда и обратно. Потом увеличить расстояние до четырех метров, восьми или десяти. На улице, конечно! В гостиной лучше не пробовать.

Учитель утверждал, что площадка для игры в классики у школы – это «спортивное сооружение». Хотя на самом деле это просто белые квадраты, начерченные мелом на асфальте. Когда-то у детей была красивая гладкая бита для игры в классики, но потом ее утащил Пол, чтобы запустить «блинчики» на воде, когда на фьорде стоял штиль и не было ряби.

На переменах Франк проводил время с Денисой и Оскаром. Иногда они наблюдали, как Вегард из шестого класса тренируется в прыжках в длину. Площадка для прыжков в длину была единственным – не считая классиков – спортивным сооружением в поселке. Оно состояло из бруска, от которого нужно отталкиваться, и ямы с песком для приземления. Чтобы прыгать в длину, нужно иметь длинные ноги. У Денисы, Оскара и Франка имелись только короткие. Зато у Вегарда ноги были очень длинные, и он носил гольфы до колен. Он думал о прыжках круглосуточно. Экспериментировал с тем, как туго нужно завязывать шнурки и в какой песок лучше приземляться. Он испробовал формовочный песок, морской песок и песок для песочниц, песочный наполнитель для кошачьих туалетов, песок такой и песок сякой. Песок – важный элемент прыжка, утверждал Вегард. Производственная практика, которую обычно проходят ученики старшей школы, у него только через два года, но он уже записался проходить ее на песчаном карьере. Конечно, он не сможет прокормиться прыжками в длину. Это мало кому удастся.

Но, может, он прокормится, если устроится посыпать песком дороги в гололед? А летом будет прыгать.

– Твоя мама уже начала транжирить? – спросил Оскар, пока Вегард затягивал шнуры.

– Нет, – тихо ответил Франк.

– Ты должен ее подтолкнуть, – посоветовала Дениса.

– Да я подталкиваю! – сказал Франк.

– Если ты убедишь ее тратить деньги на себя, она и на нас будет тратить, – авторитетно заметил Оскар.

К яме для приземления подошла девочка из седьмого класса. Она сообщила Франку, что ждет его за игровой площадкой через минуту. А Дениса сказала:

– Уйди! Не то Оскар тебя уроет!

– Зароет, – поправила девочка. – Уроет – это вряд ли.

На большой перемене Франк встретился с человеком, которого в поселке называли не иначе как Чудик. Он стоял на остановке у школы. И каждый день спрашивал у водителя:

– Вы едете до Стокгольма?

Чудик, видимо, не знал, что Стокгольм находится в другой стране и, чтобы доехать туда на автобусе, надо сделать очень много пересадок.

– Нет, – отвечал водитель каждый раз и закрывал дверь. У школьного автобуса только один маршрут: до школы и обратно.

Чудик любил поболтать с прохожими. И сегодня прохо-

жим оказался Франк. Он шел в магазин через дорогу.

– Как тебя зовут? – спросил Чудик.

Его волосы, как обычно, были прилизаны, будто он специально их намочил и с силой пригладил.

– Франк, – ответил Франк.

– У тебя есть машина?

– Нет.

– И какая она?

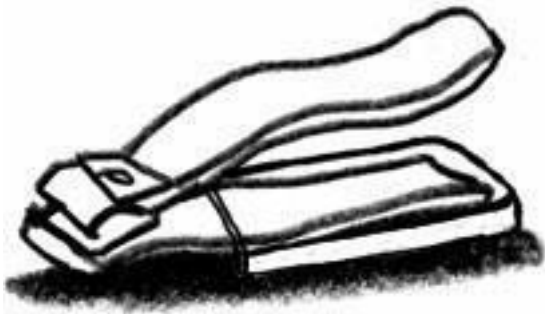
– Я же сказал, у меня нет машины, – сказал Франк.

– «Мазда»?

– У меня нет машины. Я еще маленький.

– «Мазда», говорят, не очень, – сказал Чудик.

Франк зашел в магазин и взял в канцелярском отделе семь карандашей телесного цвета. В первом классе как раз было семь учеников. Он заплатил за них деньгами из своей копилки. Он честно заработал их, пылесосая в доме. Выйдя из магазина, он вспомнил, что одну из девочек-первоклашек зовут Фатима. И она смугленькая. Он вернулся в магазин и обменял один телесный карандаш на коричневый. Но тут же понял, что в коричневых карандашах недостатка, пожалуй, нет, – и обменял обратно. На следующей перемене он раздал телесные карандаши первоклашкам – тайком, будто выдавал им наркотики. Фатима поблагодарила и улыбнулась – так же радостно, как и остальные.

Когда Франк вернулся домой, на кухне пахло спринг-роллами. Но мама была какая-то недовольная. Она пришла с работы на час раньше обычного, потому что у нее закончились дела. Криворукое семейство внезапно стало менее криворуким – им не хотелось, чтобы такая богачка за ними убиралась, и они взялись за дело сами. Маме это не понравилось. Она ведь хотела приносить пользу. Чтобы утешиться, она кое-что себе купила. Вот, погляди, сказала она, доставая маленький мешочек.

– Это кольцо? – спросил Франк.

Он помнил, что говорил Оскар, и теперь надеялся, что мама купила себе что-нибудь дорогое и бесполезное.

– Нет, – ответила мама.

– Какое-то украшение?

– Нет, конечно.

Она достала из мешочка кусачки для ногтей. У нас, ко-

нечно, есть ножницы, пояснила мама, но отрезанные ногти разлетаются по всей комнате, и потом приходится их собирать. А новые кусачки не стригут, а откусывают ногти, и обрезки попадают в специальный контейнер, откуда их потом можно вытряхнуть в раковину или в мусорное ведро.

– Хочешь попробовать?

– Нет, – отказался Франк.

– Но они гораздо лучше, чем обычные ножницы!

– Я не могу пригласить одноклассников домой стричь ногти, – пробурчал Франк. – Никто не пойдет ко мне в гости, чтобы постоять в очереди за кусачками для ногтей.

До Франка постепенно начало доходить: он, конечно, миллионер, но все его миллионы находятся на счете, счет в банке, а банк – за семью горами, за семью долами. Они будут жить как раньше. Может, немного чаще будут покупать спринг-роллы, чтобы помочь Азии. И только когда ему исполнится восемнадцать, он сможет распоряжаться своей долей. Но это еще не скоро. Когда Франку будет восемнадцать, он станет взрослым и ему уже ничего не будет интересно. Взрослые носят темно-синие футболки без принтов. Они стоят у мангала и точно знают, когда пора переворачивать мясо. Они бреются. Как-то раз Франк видел студента колледжа, который стоял и разговаривал с учителем. Сначала говорил учитель, а восемнадцатилетка кивал. Потом говорил восемнадцатилетка, и тогда кивал учитель. В начальной школе, где учится Франк, ученики тоже могут разговаривать

с учителем, но учитель, как правило, качает головой. А потом учитель говорит что-нибудь, и ученики кивают.

Когда Франку исполнится восемнадцать, он наверняка купит себе дорогущую машину, будет разезжать на ней с громкой музыкой и поедать хот-доги. Но деньги-то ему нужны сейчас! Чтобы учиться плавать на спине, загонять мяч в лунку, кататься на горных лыжах, заниматься спортивным ориентированием в лесу и забивать трехочковый на баскетбольной площадке. А взрослым только бы хранить деньги в банке.

Когда они ели спринг-роллы из киоска, в дверь позвонили. Мама пошла открывать, а Франк перестал жевать, чтобы слышать, что мама будет говорить. Мама сказала: «Да?», и «Да что вы?», и «От чего?», и «А?», и «Что-то дороговато», и «Ха-ха», и «Нет, спасибо», и «Я сказала, нет». Потом она вернулась. И развела руками в недоумении. Приходила жен-

щина, сказала она. Рассказала, что миру грозит скорая гибель, и тогда все люди разделятся на три категории. Тех, кому очень повезет, сожгут на костре. Тех, кому не повезет, заживо съедят дикие звери. И только третьей категории удастся спастись. На маленьком частном аэродроме в Швейцарии, в одной горной долине, стоит специально подготовленный самолет на 44 человека. Когда мир будет погибать, самолет поднимется в воздух и влетит прямо в белое сияние, в рай. Женщина показала маме фотографию этого самолета и отрывок из Библии в подтверждение своих слов. В самолете осталось как раз два свободных места, так что, если мама и Франк хотят жить вечно, она еще может им помочь. Билеты стоят чуть дороже, чем на обычный самолет, – двенадцать миллионов на человека. Маме показалось, что это слишком дорого, особенно учитывая, что билеты в один конец, о чем она и сообщила женщине. Тогда женщина вспомнила, что еще есть два места в передней части салона, спиной по ходу движения, они подешевле – всего десять миллионов на человека. По счастливой случайности билеты у нее были с собой – и те, что подороже, и те, что подешевле.

Мама ненадолго замолчала, чтобы подкрепиться салатом. Она всегда ест больше салата, чем спринг-роллов.

– И что дальше? – спросил Франк.

– Дальше? А что должно быть дальше?

– Что ты ответила?

– Ну а ты как думаешь? Отказалась, конечно. Прости, за-

была тебя спросить. Ты бы хотел купить билеты в вечную жизнь?

Франк выглянул в окно. Из окна была видна крыша дома престарелых – там жили люди, которым перевалило за девяносто. У них были сгорбленные спины и морщинистая кожа. Они ничего не делали. Когда было холодно, они сидели на солнышке, а когда жарко – в теньке.

– Интересно, она правду сказала?

– Разумеется, нет.

Они накрошили на столе, пока обедали. Сложно есть спринг-роллы и не насвинячить.

– А она сама в это верит, как думаешь?

– Нет. Она мошенница. Она зарабатывает на жизнь, обманывая простаков.

– Но как же самолет?

– Самый обычный самолет, она его сама сфотографировала. Или взяла фото из интернета.

Мама брала чернику из мисочки на столе. Черника была на десерт, но мама ела ее прямо во время обеда.

– Будешь? – она подтолкнула мисочку к Франку.

Франк покачал головой.

– Это полезно, – сказала мама. – Для ночного зрения.

– По ночам я сплю, – ответил Франк.

Мама ела чернику так, словно собралась всю ночь где-то гулять.

Тут у нее зазвонил мобильник.

– Тетя Офелия, – сказала мама и тяжело вздохнула, прежде чем взять трубку.

Пока мама говорила по телефону, Франк читал очередное письмо, пришедшее по почте.

«Наша дочь хочет изучать китайский язык в Австралии, но она слепая и немая, а кроме того, она боится летать и, скорее всего, страдает аллергией на сумчатых животных, но это ее мечта, а поддерживать своих детей очень важно, так что было бы замечательно, если бы вы немного помогли нам с...»

Тете Офелии предложили хорошую скидку на лазерную операцию. Она будет стоить двадцать пять тысяч за первый глаз – и всего двадцать за второй.

– Я так больше не могу, – пожаловалась мама.

– Экскурсия в Лондон стоит столько же, – напомнил Франк.

– Не беси меня! – ответила она.

Пару дней спустя на перемене откуда-то взялась газета. Наверное, она появилась из учительской. Там твоя мама, сказал Оскар. Франку даже не нужно было шевелиться – газета сама плыла к нему. Ему ее передали: видимо, старшие ученики ждали от него каких-то ответов. Мама была прямо на первой полосе, и еще на двух страницах внутри. «ДОБРИЛЛИОН!» – было написано большими буквами на первой странице. Внутри поместили большой снимок мамы – на работе, то есть дома у криворукого семейства, с ведром и тряпкой. «Из грязи в князи», – гласил заголовок статьи. Попасть из грязи в князи означает внезапно разбогатеть, например выиграть большую сумму денег. То есть это просто такое выражение – с грязью или с уборкой оно никак не связано. Франк быстро пробежал глазами статью. В ней было две но-

вости. Первая заключалась в том, что мама стала обладательницей целого состояния – об этом он знал и так. Вторая новость – что мама собирается один миллион отдать. Вот этого Франк не знал. Она решила подарить один миллион тому жителю поселка, который сделает что-то особенно доброе. Словечко «добримиллион» наверняка придумали журналисты, они это любят. Ей самой деньги тратить не на что, объясняла мама в газете. А сын у нее ест бутерброды с колбасой и обходится одной парой обуви. Поэтому она может поделиться. Так она хочет вдохновить людей на добрые поступки и улучшить жизнь в поселке.

– Что нужно сделать, чтобы получить деньги? – спросили у мамы. Мама ответила коротко: «Миллион достанется тому, кто совершит самый добрый поступок».

Часть учеников собралась вокруг газеты, а другая часть – вокруг Франка. Его окружили носки ботинок и любопытные носы. На него посыпались вопросы.

– А дети могут выиграть или только взрослые?

– Как я узнаю, что я достаточно добрый?

– Это ты будешь ей про всех ябедничать?

– Что нравится твоей маме?

Вопросов было много, Франку удавалось ответить только на некоторые из них.

– Майонез, – ответил он.

– Вам не кажется, что правила немного неясные? – спросила какая-то девочка.

– Я вчера перевел старушку через улицу – как думаешь, этого хватит?

– Зависит от того, хотела ли она перейти, – ответил Франк.

А потом маленькая девочка, зажатая между двумя девочками побольше, посмотрела на него снизу вверх и спросила.

– А *ты* можешь выиграть?

Стало очень тихо. Было слышно, как на дереве вдалеке щебечет пташка. Франк открыл рот, но сказать ничего так и не смог.

– Нет, – ответил за него чей-то голос. Это был Пол. – Его мама ведь не может сказать: и победителем становится... мой собственный сын, малыш Франкусик! Правда же?

Ну конечно, правда. Она не может так сказать.

Франк – единственный, кому не светит выиграть в этом состязании.

– Слушайте меня внимательно, – сказал учитель в каждом классе. – Деньги не главное, но нет ничего плохого в том,

чтобы делать добрые дела. Давайте это обсудим. Что значит быть добрым?

Первоклашки ответили:

– Не валяться под столом и не хныкать.

– Говорить громко и вежливо, когда дедушка приехал в гости.

– Одалживать ластик тем, у кого его нет.

Второклашки ответили:

– Помочь первоклашке открыть ланчбокс.

– Вытащить занозу из лапы у льва.

– Поднять руку, когда хочешь что-то сказать на уроке.

Третьеклашки:

– Не хапать самый большой кусок торта.

– Не завидовать, когда у кого-то день рождения.

– Написать письмо бабушке, которая живет в другом городе, и вложить в конверт рисунок, который она повесит на стенку.

Четвероклашки:

– Не гулять весной там, где птицы выют гнезда.

– Открывать банку шпрот на тарелочке, чтобы не испачкать стол.

– Присмотреть за морской свинкой соседа на каникулах.

Пятиклассники:

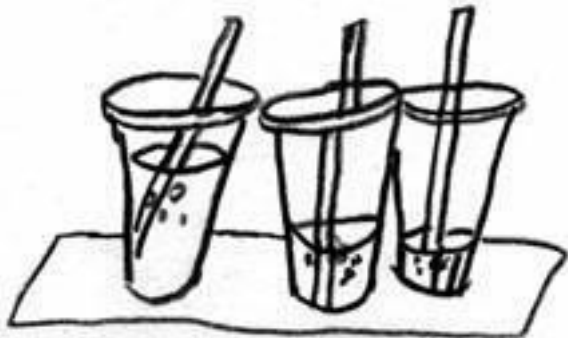
- Сортировать мусор: пластиковые бутылки отдельно, бумагу отдельно.
- Грязные колготы класть в корзину для стирки, а не разбрасывать где попало.
- Надеть свитер, который подарила бабушка, когда она приходит в гости.

Шестиклассники:

- Поблагодарить команду противника за сыгранный матч.
- Испечь вафли и продать на ярмарке, а деньги отдать на помощь бедным странам.
- Не лезть без очереди в магазине, а тех, кому нужно купить всего один банан, пропустить вперед.

Семиклассники:

- Не включать газонокосилку, когда у соседа послеобеденный сон.
- В магазине рассчитывать мелочью, чтобы в кассе не закончилась сдача.
- Говорить некрасивым людям, что у них стильная обувь.
- Прекрасно, – сказал учитель в каждом классе. – Домашнее задание на завтра: совершить доброе дело, принести пользу окружающим, а завтра мы это обсудим.

– Я единственный, кто не может выиграть, – пожаловался Франк.

– Ничего, мы вместе совершим какой-нибудь добрый поступок, а выигрыш поделим!

Они идут в кафе, чтобы купить одну на всех бутылку лимонада. За ними бежит стайка малышни в надежде на то, что у Франка из кармана выпадут деньги. Но сегодня деньги есть только у Денисы – значит, ей угощать.

– Я понимаю, каково тебе, – говорит она. – Ты вроде миллионер, а все равно на мели. Это как иметь девушку и не мочь ее поцеловать.

– А ты откуда знаешь? – спросил Оскар.

– В прошлом году я ездила в Швецию на каникулы. И там познакомилась с парнем по имени Юнас.

– Ты не рассказывала.

– У него были брекеты на зубах. И когда я предложила

ему поцеловаться, он улыбнулся так широко, что у него усы застряли в брекетах.

– Усы? – удивился Оскар. – Сколько же ему лет?

Он толкнул дверь и вошел в кафе. Франк придержал дверь для Денисы.

– Тринадцать. Ну не то чтобы настоящие усы. Пара длинных волосин на верхней губе, и они зацепились за брекеты. И застряли накрепко – мне пришлось ему помогать, а ему пришлось улыбаться, чтобы не было больно. Потом он заплакал и побежал к маме, чтобы она ему отстригла эти усы. И после этого он все время просидел в своем домике и больше не выходил.

Франк и Оскар засмеялись. Дениса смеяться не стала.

– Я была так близко! – воскликнула Дениса и показала пальцами узкую щелочку – наверное, такой длины усы были у Юнаса.

– Да уж, – пробормотал Франк себе под нос. – Вот и я так близко...

Дениса купила бутылку лимонада. Франк взял три стакана. Оскар схватил полный кулак салфеток. От стойки до столика идти было всего пять метров, но Дениса так размахивала бутылкой, что лимонад залил все вокруг, когда она открутила крышку.

Оскар молча протянул ей салфетки.

– Мы должны поговорить о конкурсе, – сказал Франк.

Оскар вытащил из своего рюкзака журнал. Другие люди

покупают журналы с кулинарными рецептами, или кроссвордами, или автомобилями, или женщинами в красивой одежде, или женщинами совсем без одежды, а у Оскара – журнал об экскаваторах. Каждый месяц ему по почте приходит новый номер. Он листал журнал. Дениса ждала, чтобы в бутылке опала пена.

– А может, тебя похитят? – неожиданно спросила она.

– Похитят? – удивился Франк.

– Такое часто случается с детьми миллионеров. Ты новости вчера не смотрел? Про девочку в Германии.

– Нет.

– Она была дочкой одного богача. Ее похитили, но отец отказался платить выкуп. И однажды обнаружил ее на пороге. В мешке.

– В двух мешках, – уточнил Оскар, поднимая глаза от журнала.

Франк огляделся. За одним столиком сидела большая женщина с маленькой сумочкой. За другим – старик с омлетом. Оба вроде не похожи на опасных похитителей. За стойкой стояла владелица кафе. Она протирала стойку влажной тряпкой. Потом ополоснула тряпку.

Дениса разлила лимонад по трем стаканам. Франк отпил глоток из своего стакана и со стуком поставил его обратно на столик. Как точку поставил.

– Оскар, – начал он, – какой был твой самый добрый поступок?

– Добрый... – Оскар повторил несколько раз, будто заучивал новое английское слово. И одним махом выпил полстакана лимонада.

– Однажды на набережной я спас Александру, не дав ей утонуть.

– Э-э-э... мы там были, – сказала Дениса. – Это ведь ты ее в воду столкнул.

– А потом бросил ей веревку! – упрямо сказал Оскар.

– Ага, только ты не держался за другой конец. Ты бросил ей веревку целиком, – напомнил Франк.

Оскар нахмурился и допил лимонад.

– Я боялся, что она утянет меня за собой.

– А у тебя что, Дениса?

Дениса задумчиво пожевала губу.

– Я дарю всем рождественские подарки.

– А покупает их твоя мама?

– Ну да-а.

– И придумывает, что купить, тоже мама?

– Да.

– То есть ты сама ничего не делаешь?

– Я подписываю свое имя на бирке.

– На месте твоей мамы я бы так не рисковал, – сказал Оскар. – Ты же буквы путаешь.

– И что?

– Я тебе раньше не говорил, но, когда ты в первый раз пришла ко мне на день рождения, ты сама подписывала подарок.

Ты начала писать слишком крупно, а потом буквы становились всё меньше и меньше, но для последней места все равно не хватило. И ты еще не научилась писать букву «Д», так что на бирке я прочел: «Оскар. С любовью, Пенис».

Франк и Оскар засмеялись. Дениса покраснела.

– Неправда!

– Я подумал, что внутри лежит бутылка со ссаками.

Оскар говорил очень громко. Он привык кричать, потому что ему часто приходилось беседовать с людьми, стоя около работающего экскаватора.

– Вы в общественном месте находитесь! – раздался очень строгий голос.

Он принадлежал женщине за стойкой. Она услышала два неприличных слова.

У женщины с сумочкой и старика с омлетом тоже был недовольный вид. Ведь они едят! Тут Дениса дернулась, потому что Оскар вдруг схватил ее стакан и одним глотком его осушил.

– Эй! – закричала Дениса.

– Упс! Я случайно, – сказал Оскар, глядя на пустой стакан.

– Случайно? Ты же только что допил свой лимонад! – ругалась Дениса.

– Стаканы стояли рядом! Прости!

– Они стояли рядом, потому что ты освобождал место для твоего идиотского журнала!

– Не надо так кричать, – заметил Франк.

– Вдобавок я сегодня платила! – продолжала кричать Дениса.

Оскар поставил пустой стакан на стол. Молча. Он решил переждать бурю – примерно так же, как они чуть раньше пережидали пену в бутылке. Но переждать Денису было невозможно.

– Это были мои деньги, мои! И мой стакан, и лимонад тоже мой!

– Он же извинился, – устало сказал Франк. – Что ему еще сделать? Ткнуть себя вилкой в лицо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.